

Волгоградская областная детская библиотека

12+

Красота спасет мир! :

роман Ф. М. Достоевского «Идиот»
в литературной критике XXI века

Дайджест
для руководителей
детским чтением

Волгоград
2021

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К78

Составитель:
Е. Ю. Ускова

Редактор:
И. А. Знаменьщикова

Компьютерная верстка:
Е. М. Соколова

Ответственный за выпуск:
Н. В. Ретунская

Красота спасет мир! : роман Ф. М. Достоевского
К78 **«Идиот» в литературной критике XXI века : дайджест**
для руководителей детским чтением / Волгоградская об-
ластная детская библиотека ; сост. Е. Ю. Ускова ; ред. И. А.
Знаменьщикова ; отв. за вып. Н. В. Ретунская. – Волгоград,
2021. – 16 с.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Рекомендовано к печати редакционным советом Волгоградской
областной детской библиотеки

© Волгоградская ОДБ, 2021

Роман «Идиот» Ф. М. Достоевского является самым личным произведением писателя, наиболее полно выразившим его нравственно-философскую позицию и художественные принципы. Да и главный герой – князь Мышкин – отчасти художественный автопортрет автора. Мышкина Достоевский награждает собственной болезнью – эпилепсией, а многие важные моменты жизни героя изобилуют совпадениями с жизненными точками отсчета его создателя: мечтательная юность, четыре года вне жизни (каторга и санаторий в Швейцарии), перерождение убеждений, встреча с Христом, возвращение обоих в Петербург и, конечно же, самый проникновенный рассказ князя о главном событии в жизни писателя – несостоявшейся казни на эшафоте. Не стоит забывать, что в образах главных героинь романа отчетливо видны черты близких ему женщин: Сулова А. П. в образе Настасьи Филипповны и Достоевская А. Г. в образе Аглаи.

Роман, ставший важной вехой в истории русской и мировой литературы, был задуман и написан во время тяжелых условий пребывания Достоевского за границей в 1868 году. Однако поистине широкую известность и признание в России и за рубежом получил лишь в первой четверти XX века. При жизни писателя отклики на роман в печати были немногочисленны. Самый значительный из них принадлежал перу Салтыкова-Щедрина, который отмечал не только национальное, но и общечеловеческое значение романа, а также стал одним из немногих современников, кто отчасти понял и высоко оценил образ Мышкина.

Для многих критиков XX века важным аспектом для понимания замысла писателя послужила публикация письма Достоевского своей племяннице С. А. Ивановой, в котором писатель сообщал, что *«Главная мысль романа – изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно*

прекрасного, – всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал – ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо – Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. <...> Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченное Дон Кихот» (Белов, С. В. Ф. М. Достоевский : энциклопедия / С. В. Белов. – Москва : Просвещение, 2010. – 743, [1] с.).

Это породило многочисленные, не утихающие и сегодня споры, связанные с разным отношением к выработанной формуле писателя «князь Христос». Да и в целом роман, как и все наследие великого художника, осмысливалось почти исключительно с религиозных позиций.

XXI век не только не погасил, но и не остудил литературоведов в их стремительном сопоставлении Мышкина одновременно и Христу, и Дон Кихоту. Ярким тому примером служит статья (Степанян, К. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени / Карен Степанян // Иностранная литература. – 2011. – № 12. – С. 235-254. – (...Сервантес написал Евангелие нам – от Дон Кихота), где автор делает своеобразную переключку героев двух произведений Мышкина и Дон Кихота и одновременно пытается выстроить не только биографические параллели двух великих писателей, но и объяснить историческое совпадение времен написания этих романов.

Обсудить религиозно-мистический аспект романа в целом предлагается в статье Щенникова (Щенников, Г. Религиозно-мистическая концепция человека (На материале романа «Идиот») / Г. Щенников // Литературоведческий журнал. – 2002. – № 16 (авг.). – С. 211-218.). В последнее время, пишет автор, многие исследователи отмечают недостаточность и даже ущербность религиозной концепции «князя-Христа» Мышкина.

Но так ли это? Автор убежден, что Достоевский был приверженец традиционного мистического богословия. Писатель глубоко верил в Преображение человека, истоки которого видел в христианском учении.

В работе И. Поповой (**Попова, И. Другая вера как социальное безумие частного человека : «Крик осла» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / И. Попова // Вопросы литературы. – 2007. – № 1. – С. 129-164.**) также отмечается разносторонность оценок религиозности главного героя романа в современном литературоведении, которые разнятся от «князя Христа» до «князя Антихриста». Подоплеку весьма странному поведению Мышкина, граничащему с социальным безумием, исследователи находят то в его душевном расстройстве, то в причудах характера, то в особенной религиозности. Попова предлагает нам свою, отнюдь не претендующую на единственно верную разгадку. В этой связи стоит внимательно присмотреться к первому дню пребывания князя в России, где особенно примечательной является речь Мышкина о крике осла, пробудившем его к новой жизни. Во время застольной беседы Мышкина просят рассказать о первом впечатлении о Швейцарии. «Впечатление было сильное...» – предупреждает князь. А после рассказывает, как его больного везли через разные немецкие города, а он, не успевший оправиться от ряда припадков, терял память и чувствовал нестерпимую грусть от того, что вокруг все чужое. И вот на городской площади он услышал крик осла, который окончательно примирил его со Швейцарией, и после которого он ужасно полюбил ослов. Согласитесь, разговор престранный, и обычный читатель с радостью послушает генеральшу Епанчину и пропустит его мимо ушей. Однако автор настоящей статьи делать это не советует. Она убеждена, что образ осла в романе не случаен и имеет толкование в культах и религиозной жизни западного христианского мира. Так, например, праздник осла был, по крайней мере с IX века, весьма популяр-

ным полурелигиозным с языческими корнями действом, согласно которому в городе выбирали самую красивую девушку, давали ей на руки младенца и сажали на осла. Процессия, символизирующая Марию и младенца Христа, в сопровождении паствы направлялась к главному храму города. Там-то и разворачивались основные события, приведенные в статье.

В бурных дебатах последнего времени, развернувшихся вокруг «Идиота», современные критики продолжают уделять пристальное внимание и другому эпизоду романа, когда князь Мышкин и Рогожин беседуют о картине Ганса Гольбейна «Мертвый Христос», и князь, находясь под впечатлением внезапно охватившей его мысли, восклицает: «Да от этой картины у иного вера может пропасть!»

Автор статьи «Апокалипсис в Идиоте» (**Итокава, К. Апокалипсис в «Идиоте» / К. Итокава // Литературоведческий журнал. – 2002. – № 16 (авг.). – С. 98-101.**) утверждает, что роман Достоевского навеян духом Апокалипсиса. На это указывают многие факторы. Например, то, что князю Мышкину, этому современному «Христу», толкует Апокалипсис один из героев Лебедев. Но более всего, по версии Итокава, данный факт подтверждается увлеченностью Достоевским идеей «мертвого Христа» при создании романа. Неслучайно писатель был захвачен картиной Гольбейна «Мертвый Христос» в музее Базеля.

Но до конца ли правдив знаменитый эпизод знакомства Достоевского в музее с картиной Гольбейна? На этот вопрос берется ответить автор следующей статьи (**Бегичева, В. Достоевский и Гольбейн: вера против неверия / Вера Бегичева // Наука и религия. – 2012. – № 8. – С. 42-47. – (Религия в искусстве)**), погружая нас в настоящую детективную историю. Современный читатель узнает о картине посредством романа «Идиот», а также всевозможных комментариев к нему, в особенности, жены писателя Анны Григорьевны. По ее утверждению, которое она в

подробностях изложила в «Воспоминаниях», Достоевский якобы считал эту картину безбожной и подрывающей веру.

Но так ли это? И правда ли то, о чем в январе 1906 года в интервью корреспонденту «Биржевых ведомостей» поведала А. Г. Достоевская? *«Сильное впечатление произвела на него также картина Ганса Гольбейна <...> На этой картине Христос изображен снятым со креста <...>, впечатление этой картины на Федора Михайловича было так велико, что он несколько раз приезжал в Базель смотреть ее».*

Посмотреть на роман в непривычном для него ракурсе предлагает журнал «Новое литературное обозрение», где в 2002 году были напечатаны сразу две статьи: «Идиот» Достоевского. Роман как фотография» Эндрю Вахтеля (2002. – № 5. – С. 126-143.) и «Человек без интереса. (Экономика дарения в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») Джеймса Дрисколла (2002. – № 6. – С. 55-73).

Автор первой из них рассматривает произведение Достоевского через призму нового для второй половины XIX века явления – фотографию. Действительно, к моменту начала написания романа (1867 г.) фотография уже прочно вошла в употребление по всей Европе. Известно, что сам Достоевский неоднократно позировал для фотографических портретов. Поэтому, предполагает автор, роль фотопортрета Настасьи Филипповны, появляющейся в третьей главе «Идиота» прежде, чем на сцену выйдет сама героиня, тщательно продумана Достоевским. Причем о том, что функция портрета не инструментальная, говорит повествование писателя, которое в ходе романа ненавязчиво возвращается к этой фотографии. Но и тут автор статьи идет дальше, предлагая нам посмотреть на «Идиота» в целом как на роман-фотографию, или же *«как на роман, который время от времени подражает форме фотографии, чтобы исследовать значение этого изобразительного средства».* В этом случае для исследователей романа

в фотографическом контексте, да и просто читателей, важны не только сцены, где фотография появляется, но и эпизоды романа, основная задача которых – остановить время. Писатель намеренно выстраивает некоторые ключевые сцены так, как если бы они фотографиями являлись.

Одна из самых фотографичных и сокрушительных сцен романа, пишет Вахтель, происходит в его конце, когда князь Мышкин заходит в комнату Рогожина и шепотом спрашивает, где Настасья Филипповна:

«Князь шагнул еще ближе, шаг, другой, и остановился. Он стоял и всматривался минуту или две... <...> Но он уже пригляделся, так что мог различать всю постель; на ней кто-то спал, совершенно неподвижным сном; не слышно было ни малейшего шелеста, ни малейшего дыхания. Спавший был закрыт с головой белой простыней, но члены как-то неясно обозначались; видно только было, по возвышению, что лежит протянувшись человек. Кругом в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати на креслах, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое белое шелковое платье, цветы, ленты. На маленьком столике, у изголовья, блистали снятые и разбросанные бриллианты. В ногах сбиты были в комок какие-то кружева, и на белевших кружевах, выглядывая из-под простыни, обозначался кончик обнаженной ноги; он казался как бы выточенным из мрамора и ужасно был неподвижен».

Как уже было сказано выше, современная критика романа «Идиот» продолжила линию своих предшественников и, как некогда сам писатель, в многочисленных статьях принялась отождествлять князя Мышкина с фигурой Христа. Тем интересней предположение Э. Вахтеля, согласно которому роль Христа в произведении играет не Мышкин, а Настасья Филипповна. «*Вопервых, ее фамилия – Барашкова – происходит от слова, синонимичного <...> «агниу», вызывая прочные ассоциации с Иисусом*

– «Агнец Божий». Более того, причина ее смерти, описанная Рогожиным, повторяет одно из событий крестной смерти Христа: она умирает от удара острым предметом в грудь...» Неудивительно, что и Мышкин, в первый раз увидев фотографию героини, внимательно изучает, а потом целует ее, тем самым уподобляя фотографию еще одному виду визуального искусства – иконе.

Неординарен подход и автора второй статьи, где роман рассматривается через призму экономических отношений, основанных на институте дарения. Дело в том, что подъем капитализма и капиталистических отношений в начале XIX века весьма тревожил как Достоевского, так и многих его современников, в том числе живущих в эмиграции. И хотя к теме угрозы капитализма писатель обращался довольно часто, именно в «Идиоте» в большей мере, чем в остальных романах, этот процесс становится предметом анализа писателя. В самом деле, весь сюжет романа вращается вокруг одной из старейших разновидностей обмена дарами: выдача женщин замуж. И это касается не только главных героинь, замуж выходят и Аделаида, и Варя. Да и мужские персонажи почти без исключения фигурируют в том или ином ухаживании, описанном в романе. Достоевскому, утверждает автор, стоило большого таланта организовать вокруг своего произведения две противоположные культуры – христианскую и культуру рынка. Эта стратегия писателя использует разные символы и аллегории, среди которых присутствует и тема дарения.

Стоит отметить, что статья изобилует специальными экономическими терминами и трудна в прочтении.

Не удивительно, что приведенные выше критические материалы романа Достоевского отчасти подтверждают слова Погорельцева В. Ф., автора статьи «Искусство общежития в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» (Погорельцев, В. Искусство общежития в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». X класс / В. Погорель-

цев // **Литература в школе. – 2001. – № 5. – С. 35-37.**), выведенные в предисловие, о том, что в школе детям трудно усвоить идейную проблематику Достоевского. Однако, по версии автора, у писателя есть вполне подъемные темы, одна из которых – «искусство общежития», которую он и предлагает обсудить с учащимися 10 класса. На самом деле за витиеватостью названия темы кроется вполне понятная категория – вежливость. Ни в одном произведении Достоевского не рассыпаны так щедро слова «приличный», «вежливый». К примеру, в первой главе читатель не может не заметить детали, характеризующие степень воспитанности одного из героев романа Рогожина: «спросил с деликатной усмешкой», «присвистнул и захохотал» и так далее. Рогожину не уступает и Лебедев. Таким образом, подмечает Погорельцев, в романе создан своеобразный фон благовоспитанности, на котором крупным планом выступает князь Мышкин. Вот пример его степени интеллигентности: «отвечал он без всякого подозрения совершенной небрежности и праздности иных вопросов» или «Мышкин привстал вежливо, потянул Рогожину руку и любезно сказал...» Поведению князя, за которым всегда скрывается «талант нравственной точности», и посвящен дальнейшей текст статьи, которую мы рекомендуем прочитать как учителям, так и библиотекарям, работающим с подростками старшего школьного возраста.

Без детального религиозного подтекста обошлось и в следующей литературоведческой работе (**Подосокорский, Н. 1812 год и наполеоновский миф в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Николай Подосокорский // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 39-71. – (Война 1812 года в русской литературной традиции)**), автор которой обращает внимание на крайне интересный и необычайно глубокий рассказ генерала Иволгина о Наполеоне, до настоящего времени почти не привлекавший вни-

мание исследователей. Отечественная война 1812 года сыграла судьбоносную роль в истории России XIX века. Повлияла она и на Федора Михайловича. Отец писателя во время войны служил врачом. Мать, Мария Федоровна Нечаева, вместе с ее отцом выбралась из Москвы за несколько дней до занятия ее французами. Дед Достоевского потерял все свое состояние. Таким образом, память об Отечественной войне 1812 года была окрашена глубокими интимными переживаниями писателя. Вспомним, что и сам роман был создан за границей тогда, когда вся Европа готовилась отмечать столетие со дня рождения Наполеона I. Но Достоевский – писатель-парадоксалист. В отличие от того же Л. Толстого, в романе которого представлен исторический образ Наполеона, Достоевский к вопросу отображения императора подошел с богатым юмором. Он смог создать в рассказе генерала колорит наполеоновского мифа и доказать, что память о прошлом постоянно живет в человеке и порой раскрывается в причудливых фантазиях и мечтах.

Стоит отметить, что в литературоведении не в новинку сравнивать творчество Ф. Достоевского и Л. Толстого. В следующей статье (**Бачинин, В. А. Tolstoyevsky-trip Опыт девятый, Настасья Филипповна и Анна Аркадьевна, или теология зла : опыты сравнительной теологии литературы / Владислав Бачинин // Нева. – 2013. – № 9. – С. 169-179. – (Экзистенциальное путешествие)**) такому сравнению подвергаются два незабываемых образа, созданных гениальными писателями-современниками, две необычайно яркие женские фигуры, две красивые, умные женщины, неординарные личности с сильными характерами: Настасья Филипповна и Анна Каренина. Что их объединяет? Обе бросают вызов общественной морали, и та и другая оказываются по ту сторону общепринятых приличий, а смерть каждой предстает как дерзкий вызов, бунт и даже скандал. *«Впечатляет сходство их предфинальных жизненных траекторий, когда обе неудержимо*

скользят по наклонной к трагической гибели. Обе оказываются на краю бездны небытия и с безумной решимостью заглядывают в ее головокружительную тьму, когда сила их жизнелюбивых натур перенаправляется ими же самими, дает задний ход, и в результате воля к жизни превращается в волю к смерти, оборачивается бегством в небытие как в убежище».

В центре внимания следующей статьи также находится Настасья Филипповна, однако здесь автор вознамерился доказать особую роль символики бриллианта в «Идиоте» Достоевского (**Грачева, И. В. Символика бриллианта в «Идиот» Ф. М. Достоевского / И. В. Грачева // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 8-11.**). Особенно эта тема, замечает Грачева, сопровождает образ главной героини, которая на протяжении всего произведения предстает перед окружающими в «бриллиантовом ореоле». Дело в том, что издавна этот драгоценный камень символизировал чистоту. А потому и старания Настасьи Филипповны, облаченной в бриллианты, держать себя «как неприступная добродетель» и заслужить уважение окружающих становятся более понятными. Но не все так однозначно. Ведь образ бриллиантов – известный художественный прием, который часто встречается не только в литературе, но и в фольклоре, подробнее о котором вам и расскажет И. В. Грачева.

Но не только главные герои удосуживаются внимания современных исследователей. Целостный мир второстепенных персонажей, выстроенных вокруг единого центра, композиции, сюжета и закрученных «под Мышкина», рисует нам В. Ребель – автор статьи «Кто «виноват во всем»? : мир героев, структура и жанр романа «Идиот» (Ребель, В. Кто «виноват во всем»? : мир героев, структура и жанр романа «Идиот» / В. Ребель // **Вопросы литературы. – 2007. – № 1. – С. 190-227.**). Традиционно герои, окружающие князя Мышкина, в исследовательских работах описываются негативно, в зловещих красках, благодаря которым

возникает мир денег, миллионеров, дельцов и жадных авантюристов. Однако Ребель убеждена, что иногда полезно заново сверять литературоведческие концепции с художественным источником. Что и предлагает сделать в своей статье.

Конечно, это не все публикации, которые появились в XXI веке. Но даже, исходя из представленного выше материала, очевидно, что роман Ф. М. Достоевского «Идиот» породил богатый мир научно-исследовательской и критической литературы, появившейся в начале текущего века. И несмотря на то, что предметом основных разночтений критиков по-прежнему остается образ князя Мышкина, так как от его интерпретации во многом зависит понимание романа в целом, многие исследователи пошли другой дорогой, пытаясь рассмотреть «Идиота» с разных позиций: лингвистической, экономической, символической и прочих.

Дополнительный список литературы:

Азаренко, Н. А. Религиозная метафорика периферийных образов романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / Н. А. Азаренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 3, ч. 2. – С. 15-17. – (Филологические науки).

Андреева, Ю. Ф. Двадцать минут между жизнью и смертью : самоанализ восприятия романа М. Ф. Достоевского «Идиот» / Ю. Ф. Андреева // Библиотечное дело. – 2010. – № 15. – С. 20-21. – (Книга в неволе).

Афанасьева, Н. А. Пьер Безухов и князь Мышкин. Сравнительный анализ образов : по романам Л. Н. Толстого «Война и мир» и Ф. М. Достоевского «Идиот». X класс / Н. А. Афанасьева // Литература в школе. – 2010. – № 3. – С. 38-40. – (Поиск. Опыт. Мастерство) (Уроки).

Блашко, И. И. Соционические типы и инертные отношения героев романа М. Ф. Достоевского «Идиот» / И. И. Блашко // Психология и соционика межличностных отношений. – 2008. – №

4. – С. 30-38.

Бирюзова, Н. А. От образа к архетипу. Парфён Рогожин / Н. А. Бирюзова, Д. У. Якибова // Вестник РУДН. Сер. Литературоведение. Журналистика. – 2008. – № 3. – С. 5-10. – (Литературоведение).

Богуславская, О. В. Диалоги в большом времени / Ольга Богуславская, Карен Степанян // Нева. – 2014. – № 4. – С. 168-177. – (Искусство чтения).

Буянова, Е. Загадка имени князя Мышкина / Елена Буянова // Литература. – 1996. – № 29 (авг.). – С. 14.

Буянова, Е. Свидание на зеленой скамейке : Аглая Епанчина и князь Мышкин / Елена Буянова // Литература. – 1996. – № 4 (январь). – С. 5-7.

Ваганова, О. К. «Ну и бесстыдник же ты!...» к генезису романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / Ольга Константиновна Ваганова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2009. – № 11, ч. 2. – С. 50-54. – (Филологические науки).

Волгин, И. Сага о Достоевских / И. Волгин // Октябрь. – 2009. – № 1. – С. 40-95.

Гильманов, В. Концерт «правильность» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. В. Гильманов, А. В. Гильманова // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 3 (22). – С. 24-31. – (Развитие и функционирование русского языка).

Граблина, Н. «Красота спасет мир?!» : по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» / Н. Граблина // Литература. – 2006. – № 1 (январь). – С. 22-23, 26-27.

Девальер, М. Диалог культур в пространстве художественного произведения / М. Н. Девальер // Вопросы культурологии. – 2011. – № 9 (сентябрь). – С. 75-81. – (Лики культуры).

Добровольский, Д. О. Перевод художественной прозы и проблемы лексической сочетаемости / Д. О. Добровольский // Вест-

ник Московского университета : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – Серия 19. – № 2. – С. 47-60.

Дон, С. Рыцарь бедный князь Мышкин : 145 лет назад вышел роман Федора Михайловича Достоевского «Идиот» / Светлана Дон // Библиополе. – 2013. – № 6. – С. 38-39. – (Книги-юбиляры).

Дороватовская-Любимова, В. С. «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени / В. С. Дороватовская-Любимова ; публ. подгот. Маргаритой Райционной // Нева. – 2011. – № 11. – С. 209-226. – (Забытая книга) (Петербургский книговик).

Иванченко, Н. «В пользу всех» : попытка осмысления романа Ф. М. Достоевского «Идиот» // Литература в школе. – 1994. – № 2. – С. 55-59.

Касаткина, Т. После знакомства с подлинником : картина Ганса Гольбейна младшего «Христос в могиле» в структуре романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / Т. Касаткина // Новый мир. – 2006. – № 2. – С. 154-168.

Келдыш, В. А. Творчество Ф. М. Достоевского в прижизненной критике / В. А. Келдыш // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2015. – Т. 74, № 1. – С. 41-58.

Крапивин, Г. Н. К чему приложил руку игумен Пафнутий? / Г. Н. Крапивин // Русская литература. – 2014. – № 4. – С. 145-151. – (Публикации и сообщения).

Криницын, А. Б. Повесть «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина в творчестве Ф. М. Достоевского / А. Б. Криницын // Вестник Московского университета. – 2017. – № 2. – С. 102-116. – (К 250-летию со дня рождения Н. М. Карамзина).

Кроо, К. «Рыцарский» контекст романов «Рудин» Тургенева и «Идиот» Достоевского / К. Кроо. – Текст : электронный // Литературоведческий журнал. – 2002. – № 16 (авг.). – URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/rytsarskiy-kontekst-romanov-rudin-turgeneva-i-idiot-dostoevskogo> (Дата обращения: 02.02.2021).

Курганов, Е. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» : опыт про-

чтения / Е. Курганов // РЖ. Сер. 7. Литературоведение. – 2003. – № 2. – С. 114-117.

Кунильский, А. Е. Идиот в «Идиоте» / А. Е. Кунильский // Русская речь. – 2008. – № 4. – С. 27-32. – (Язык в художественной литературе).

Кунильский, А. Е. Отражение творчества и личности В. А. Жуковского в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / А. Е. Кунильский // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия. Филологические науки. – 2008. – Вып. 8. – С. 68-71. – (Литературная классика: аспекты исследования).

Матвиенко, К. Молодость без возмездия / Кристина Матвиенко // Театральная жизнь. – 2009. – № 4. – С. 43-44. – (Фестивали).

Мельникова, Л. А. Ф. М. Достоевский и Г. Белль: проблема литературных влияний (на материале романов «Идиот» и «Групповой портрет с дамой») / Л. А. Мельникова // Филологические науки. Вопросы и теории и практики. – 2014. – № 1, ч.1. – С. 94-99. – (Филологические науки).

Мильдон, В. Раскольников и Мышкин : к художественной идеологии Достоевского / В. Мильдон // Вопросы литературы. – 2005. – № 3. – С. 344-357.

Мозолева, Д. А. Способ репрезентации эмоциональной сферы персонажей романов Ф. М. Достоевского «Идиот» и «Преступление и наказание» / Д. А. Мозолева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1. – С. 130-134. – (Вопросы филологии).

Нива, Ж. Так что же спасет мир – красота или уродство? / Ж. Нива ; пер. с фр. и прим. М. Квятковой // Звезда. – 2009. – № 12. – С. 196-204. – (Эссеистика и критика).

О красоте и спасении // Эхо планеты. – 2014. – № 30/31. – С. 46. – (Культура – общества).

Овчинников, В. «... Мы дальше их пошли» / Виктор Овчинников // Наш современник. – 2017. – № 11. – С. 254-259. – (Критика).

Пискунова, С. «...Кроме нас вчетвером» : роман «Идиот» в зеркале «Дон Кихота Ламанчского» / С. Пискунова // Вопросы литературы. – 2007. – № 1. – С. 165-189.

Попова, И. «Ты не бог, ты не осел, но ты несешь «бога» : архитектоника краха князя Мышкина / И. Попова // Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 157-186. – (История русской литературы) (Роман «Идиот» в контексте истории культуры).

Романычева, Е. В. Принципы фольклоризма в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» / Е. В. Романычева // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11, вып. 1 (46/47). – С. 398-402. – (Научные доклады) (Филология и история).

Седакова, О. Два христианских романа : «Идиот» и «Доктор Живаго» / О. Седакова // Литературоведческий журнал. – 2002. – № 16. (авг.). – С. 175-186.

Седакова, О. «Неудавшаяся епифания» : два христианских романа – «Идиот» и «Доктор Живаго» / Ольга Седакова // Континент. – 2002. – № 2. – С. 376-384.

Степанян, К. Дон Кихот и князь Мышкин в поисках реальности / К. Степанян // Вопросы литературы. – 2009. – № 5. – С. 187-240. – (История русской литературы) (Роман «Идиот» в контексте истории культуры).

Степанян-Румянцева, Е. Изобретательный код «Идиот» / Е. Степанян-Румянцева // Вопросы литературы. – 2011. – № 5. – С. 318-337. – (История русской литературы) (Синтез искусств).

Торопова, Л. А. Романы Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Идиот» : проблемы и опыт филологического анализа / Л. А. Торопова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 8, ч. 1. – С. 163-174. – (Филологические науки).

Чаусова, А. «Великое пятикнижие» в формате кинематографа : история экранизаций романов Ф. М. Достоевского / А. Чаусова // Библиополе. – 2013. – № 12. – С. 52-59. – (Книгочей. Знаменитые

предки).

Шахназарян, Н. О. Сценарий страдания князя Мышкина (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот») / Наринэ Ониковна Шахназарян // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6, ч. 2. – С. 214-217. – (Филологические науки).

Шилова, Е. В. Прилагательное странный в структуре текста романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / Е. В. Шилова // Вестник Московского университета. – 2014. – № 4. – С. 155-165. – (Материалы и сообщения).

400050, г. Волгоград,
ул. Рокоссовского, 48
E-mail: VODB@bk.ru
www.biblioteka-volgograd.ru
37-72-01
37-72-56